

циональными переживаниями, обусловленными не промыслом божьим, а реальными жизненными обстоятельствами. Чтобы убедиться в правильности этого суждения, достаточно вспомнить объяснения Софрония с бостанджи-баши в связи с продажей султанских овец: «Повлекоха ме бостанджини да ме убесят. Аз ся тегля камто бостанджи, а они мя теглят навон, раздраха ми дрехите. Заборавих и биене и болест» (стр. 129). Аввакум, избитый и связанный Пашковым, после ночи, проведенной под дождем, плывет на разбитом плоту по реке Лене. «Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашло да и умирать стал» (стр. 71). Подобных описаний в традиционной житийной литературе и с огнем не сыщешь! И Житие Аввакума, и Житие Софрония Врачанского сближаются между собой той глубокой реалистичностью, с какой оба автора повествуют о перипетиях своей жизни, яркостью описываемых в обоих произведениях образов своих современников: у Аввакума — Афанасия Пашкова, Ивана Неронова, патриарха Никона и многих других; у Софрония — карнобатского правителя Ахмед Геряя, монаха Калиника и невежественных котленских попов, ненавидевших Софрония за то, что он был «ученее» их.

«Житие Аввакума есть памятник борьбы и служения идее до самоотречения, выражение несломимой человеческой воли и личности, когда ее подкрепляет убеждение в правоте дела», — пишет Д. С. Лихачев.¹³ В известной степени, хотя и в ином аспекте, это можно отнести и к Софронию: его Житие — замечательный документ беззаветного служения народу, неотделимой частью которого по происхождению, мысли и делу был болгарский писатель Возрождения.

С полным основанием Житие Аввакума расценивается как яркое художественное и историческое свидетельство антифеодальных оппозиционных настроений демократических слоев русского народа в России второй половины XVII в.¹⁴ В автобиографии Софрония Врачанского политический элемент на первый взгляд слабо заметен. По существу он ощущается как сильное подводное течение, струи которого вырываются на поверхность, что видно уже и из приведенных выше отрывков из Жития. Житие Софрония звучит как неопровержимое документальное обвинение турецкому феодализму, низвергнутому болгарский народ в пропасть неописуемой материальной нищеты, культурно-духовного невежества, приводившего порою на грань вырождения.

В своих автобиографиях Аввакум и Софроний показали яркое художественное мастерство, рожденное и вдохновленное как дарованием самих художников-бытописателей, так и народно-повествовательным творчеством, которое оба автора благодаря их глубоко народному происхождению, по видимому, хорошо знали.¹⁵ Почти в равной мере у обоих авторов литературный язык перемешан с народным разговорным языком с значительным перевесом живого слова (Аввакум, например, называет свой стиль «вяканьем»), что делало оба произведения вполне понятными современному им читателю.

¹³ Лихачев, стр. 160—161.

¹⁴ Гусев, стр. 6; История русской литературы (в трех томах), т. 1, стр. 353. В. Е. Гусев. Житие протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII века. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 382 и сл.; Лихачев, стр. 152, где о русской демократической литературе XVII в. сказано: «Литература демократическая оппозиционна феодальному классу: это литература, подчеркивающая несправедливость, господствующую в мире, отражающая недовольство действительностью, социальными порядками».

¹⁵ В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры, стр. 159; Софроний Врачански, стр. 29; Лихачев, стр. 146.